

ЯРКАЯ СТРАНИЦА
ЯРКОЙ ЖИЗНИ

ФРОНТ ПРОХОДИТ

ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ

открывалось покрасневшим от бессонницы солдатским глазам, переворачивало человеческую душу. Страшным кошмаром преследовали тогда Галана картины Яновского концентрационного лагеря, где он бывал с писателем Владимиром Беляевым.

Человеческий пепел! Серебристые от человеческого пепла тропинки! Порыжевшая от человеческой крови земля! Двести тысяч женщин, стариков, детей в волчьих ямах. Долина смерти.

— Ярослав, смотри, твой старый знакомый. — Беляев поднимает с земли грязный газетный листок. На нем слова: «объединение», «великий гуманизм», «во имя Иисуса».

— Шептицкий! — Галан комкает газету.

Еще в 30-е годы в журнале «Окна» Галан назвал львовского митрополита Шептицкого, одного из вдохновителей националистических банд, «мутителем святой водички». С тех пор ничего не изменилось. «Святой отец» продолжал благословлять гестаповских выкормышей. Кровавый след бендеровских шаек тянулся к его резиденции — собору Святого Юра. Андрей Шептицкий выступил одним из инициаторов создания из кулацкого отребья дивизии «СС-Галиция», бесславно разгромленной у Брод.

Когда позже к Шептицкому пришли члены государственной комиссии по расследованию фашистских зверств с предложением подписать протокол, митрополит категорически отказался, ссылаясь на свою некомпетентность в этих делах и... «на отсутствие достоверных сведений».

— Об этом нельзя не писать. — говорил тогда Галан. — Преступно не говорить! Взять бы за шиворот и притащить туда, к тем рвам некоторых «демократов», пишущих сейчас о милосердии к эсэсовцам!

Напряженным, побледневшим, сосредоточенным вернулся он во Львов. Не затихал приглушенный стук машинки в его кабинете, заваленном документами, выписками, книгами. На его столе — «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера. Галан ясно видел, как под дождем, по тревожным дорогам Фландрии, идет человек, поднимая на бой гордый, свободный народ. «Пепел Клааса стучит в мое сердце», — говорит Тиль. Пепел яновских могил стоял перед глазами Галана, яростно стучал в его сердце. Слова, гневные и жгучие, насмерть разящие националистическое отребье, ложились на бумагу: «Судьба их отечества, их народа была им безразлична. Их души не волновали ни видения Майданена, ни живьем сожженные дети Полтавщины... Что бы ни говорили эти продавцы душ... мы видим, хорошо видим на их руках когти фашистских предателей. Отрубить эти когти — задача каждого из нас!»

И так день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Он не складывает оружия, он сражается, и даже в самых названиях его памфлетов бьется яростный пульс наступления: «Люди без родины», «Кровь и цепи», «Исшедшие из мрака», «Отец тьмы и присные», «Сумерки чужих богов», «Карьера графа Шептицкого».

Как-то его видели на кладбище, задумчиво стоящим перед могилами солдат, возвративших свободу Львову. Верно, тогда и родились в его сердце строки:

«Нам нельзя ни на минуту забывать, что национальная вражда — это оружие, которым особенно охотно пользуется враг... Пусть же каждый наш ребенок, уже в самом начале его сознательного существования, узнает священную правду о том, что во львовских скверах, в солдатских могилах наших освободителей, спят рядом друг с другом сыновья Днестра и Волги, сыновья великих братских народов..., к чьим победоносным шагам с радостным трепетом сердца прислушивалось все, что есть в мире чистого, честного и благородного».

Лютой злобой ненавидели националисты Галана. Они давно мечтали убить его. 24 октября 1949 года наемные убийцы проникли в дом писателя — народного депутата. Предательский удар топора оборвал его жизнь...

Человек оставляет после себя на земле свои мысли, свои мечты, свой труд. Пришедшие на смену поднимают оружие павших. Так было и с Ярославом Галаном. «Смерть не побеждает часовых», — писал о нем поэт. И оружие Галана сегодня поражает цель без промаха. Оно в надежных руках.

А. ЕЛКИН.

Ярослав ГАЛАН.

В жизни Ярослава Галана не было мирных дней. Полыхали войны, накатывались нашествия, обманчивая тишина разрывалась выстрелами из-за угла — пламенем суровых гроз освещена его биография. Он мог бы дать себе короткую передышку, но фронт всегда проходил через его сердце. Так и шел он по жизни — через застенки Пилсудского, под пулями полицейских карабинов, в огне Великой Отечественной войны, в борьбе с религиозными фанатиками и националистическими бандами. Что бы ни писал он — пьесы «Под золотым орлом», «Любовь на рассвете» или огненные, разящие насмерть памфлеты, он оставался солдатом, коммунистом, воином.

Под грозами Октября прошло его детство. Зброшенный эвакуацией во время первой мировой войны из Западной Украины в Ростов-на-Дону, Ярослав Галан здесь встретил революцию. Здесь родилось и чувство сыновней любви к России. «В этом большом городе на юге России, — говорил он, — являемся перекрестком больших путей гражданской войны, начало формироваться мое мировоззрение, как революционера».

Об этом вспоминает жена Ярослава Александровича — М. А. Кроткова-Галан. Мы листаем с ней пожелтевшие письма, вырезки, фотографии, и перед нами проходит жизнь бойца. Вот он в гимназии, где отцы-незудиты тщетно пытаются привить ему благоговение перед всевышним Ростов, Ярослав — в колонке демонстрантов. Возвращение во Львов. Скитания по Европе, где он впервые столкнулся с нарождающимся фашистским движением. 1924 год — вступление в подпольную Коммунистическую партию Западной Украины. Первые пьесы, опубликованные на страницах революционного журнала «Окна». Рабочий театр ставит его пьесу «Лодка шатается», беспощадно высмеивающую националистов. Они ответили травлей писателя, и тогда в «Окнах» появились гордые строки Галана: «И в дальнейшем, как и теперь, буду выполнять свой классовый долг и беспощадно бороться с явным и тайным фашизмом».

На помощь «борцам за самостийну Украину» приходит полиция. Галану предоставили право размышлять о «свободе» буржуазного государства за решетками тюремной камеры. Но и здесь он не бездействовал. Его голос не умолк за тюремными стенами. Галан рассказывает заключенным о работах Ленина и Маркса.

Сентябрьским угром 1939 года Западная Украина наконец стала советской. С этим событием пришла «вторая молодость» писателя. И снова — пламя войны. Снова по ту сторону окопов — старые знакомые.

Галан — радиокомментатор на правительственной радиостанции имени Шевченко и фронтовой радиостанции «Днипро». «Товарищ, не промахнись!» — призывает он. И когда московское радио передавало, что, смятый партизанской пулей, падает гестаповец на центральной улице Львова, что летят под откос фашистские поезда под Ровно, что по всей Украине бушует пламя народного гнева, Галан знал, что в этом пламени есть искры и его «горячего, беспокойного сердца».

Советская Армия, перемалывая гитлеровские дивизии, шла на Запад, и то, что